

*Посвящается Эленор
и Констанс Хойт*

Глава 1

ЗОВ В НОЧИ

Все было в точности как наяву: даже не верилось, что это уже происходило прежде, — и тем не менее эпизоды сменяли друг друга в соответствии с моими ожиданиями, а не сообразно некоей неведомой логике событий. Таким образом шутит с нами память — во благо или во вред, к радости или печали, счастьем или горю. Вот почему жизнь наша горько-сладкая, и все, что однажды свершилось, становится вечным.

Вновь легкий ялик, замедлив резвый бег по недвижной воде под мерные движения весел, скользнул в прохладную тень плакучей ивы, прочь от жгучего июльского солнца. Я стоял в плавно качавшейся лодке, а *она* тихо сидела, проворными пальцами отводя от себя упругие, вольно колыхавшиеся ветви. Вновь вода под сквозистым лиственным пологом отливала темным золотом, а травяной берег был изумрудным. Вновь сидели мы в прохладной тени, и мириады природных звуков снаружи и внутри нашего нерукотворного зеленого шатра сливались в дремотный гул, заставлявший забыть об огромном мире со всеми его тревожными горе-

стями и еще более тревожными радостями. Вновь в этом блаженном уединении юная девушка, отбросив чинную сдержанность, привитую строгим воспитанием, откровенно и задумчиво поведала мне о своей новой, исполненной одиночества жизни. С затаенной грустью она рассказала, что все слуги в их большом доме держатся замкнуто, трепеща перед ее отцом и ею самой, что доверие там не в цене и сочувствие не в почете и что даже лицо отца кажется ей чужим и далеким, таким же далеким, как былые дни, проведенные в деревне. Вновь все мое зрелое благоразумие и весь мой жизненный опыт легли к ногам милой девушки, причем это вышло как бы само собой, поскольку мое сознательное «я» ничего не решало и лишь подчинялось властным приказам. И вновь бесконечно множились быстролетные мгновения, ибо в таинственном мире сновидений различные реальности сливаются и обновляются, изменяясь, но все же оставаясь прежними подобно душе композитора, вложенной в фугу. Так и память моя во сне все длила и длила пьянящий восторг.

Похоже, совершенного покоя не обрести нигде. Даже в Эдеме змей вздымает голову среди отягченных плодами ветвей Древа Познания. Тишину безмятежной ночи вдруг нарушают грохот лавины, зловещий гул внезапного наводнения, колокол паровоза, проносащегося через спящий американский городок, мерный шум паровозных колес в море... Что бы это ни было, это разрушает чары моего Эдема. Зеленый полог над нами, пронизан-

ный алмазными иглами света, дрожит от непрерывного стука лопастей, и паровозный колокол, кажется, никогда не умолкнет...

Внезапно врата сна широко распахнулись, и мой пробудившийся слух распознал природу назойливых звуков. Явь всегда прозаична: кто-то стучал и звонил в чью-то наружную дверь.

В своих комнатах на Джермин-стрит я уже вполне привык к посторонним звукам, и дела моих соседей, сколь угодно шумные, нимало не беспокоили меня ни днем ни ночью, но этот шум был слишком продолжительным и слишком требовательным, чтобы оставить его без внимания. Он свидетельствовал о настойчивой воле, побуждаемой какой-то срочной необходимостью. Я не был законченным эгоистом и при мысли о чьей-то неотложной потребности без лишних раздумий встал с постели. Машинально я взглянул на часы: стрелки показывали ровно три, и по краям плотной зеленой шторы на окне уже растекался смутный серый свет. Теперь стало ясно, что стучат и звонят в дверь именно нашего дома, а также что все его обитатели крепко спят и ничего не слышат. Накинув халат и всунув ноги в домашние туфли, я спустился к входной двери. Отворив ее, я увидел щегольски одетого грума, который одной рукой упорно давил на кнопку электрического звонка, а другой непрерывно колотил дверным молотком. При виде меня он тотчас прекратил стучать и трезвонить, привычным жестом коснулся края шляпы и извлек из кармана письмо. Прямо напротив входа стояла изящная карета; ло-

шади дышали тяжело и часто, как после быстрой скачки. Привлеченный шумом, рядом остановился полисмен с зажженным фонарем на поясе.

— Прошу прощения за беспокойство, сэр, но я получил беспрекословный приказ и должен был, не мешкая ни минуты, звонить и стучать, покуда кто-нибудь не откроет. Позвольте спросить, сэр, не здесь ли проживает мистер Малкольм Росс?

— Я и есть Малкольм Росс.

— Значит, письмо предназначается вам, сэр, и экипаж тоже!

С недоуменным любопытством я взял у него письмо. Будучи барристером, я то и дело сталкивался со странными ситуациями, включая неожиданные вызовы в неурочное время, но подобного не случалось еще ни разу. Я отступил в холл, притворив дверь, и включил электрический свет. Адрес на конверте был надписан незнакомым женским почерком. Письмо начиналось сразу же, без всяких там «уважаемый сэр» и прочих подобных обращений.

«Вы изъявили готовность помочь мне, если возникнет необходимость. Надеюсь, вы говорили серьезно. Ваша помощь понадобилась раньше, чем я ожидала. Я в ужасной беде и не знаю, куда и к кому обратиться. Боюсь, на моего отца было совершено покушение. Он остался жив, благодарение Богу, но находится в глубоком беспамятстве. Я вызвала врачей и полицию, но здесь не на кого всецело положиться. Приезжайте немедленно, если

можете, и простите меня за доставленное неудобство. Вероятно, впоследствии я еще не раз пожалею, что обратилась с этой просьбой к вам, но сейчас не в состоянии мыслить ясно. Приезжайте! Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони».

Тревога и ликование боролись в моей душе, пока я читал эти строки, но надо всем преобладала мысль, что, оказавшись в беде, она позвала на помощь не кого-нибудь, а меня — меня! Недаром, значит, она приснилась мне сегодня.

— Подождите! Я тотчас же вернусь! — крикнул я груму и бросился наверх.

Чтобы умыться и одеться, мне хватило нескольких минут, и вот мы уже мчались по улицам со всей скоростью, на какую были способны лошади. Было утро рыночного дня, и по Пикадилли с запада на восток тянулся бесконечный поток груженных телег. Однако остальная часть пути была свободна, и мы катили быстро. Я велел груму сесть со мной в карету, дабы по дороге он рассказал, что же произошло. Он неловко уселся рядом, положив шляпу на колени, и заговорил:

— Мисс Трелони, сэръ, прислала к нам слугу с распоряжением немедленно запрячь экипаж, а малость погода пришла сама, дала мне письмо и наказала Моргану — вознице, сэръ, — гнать во весь опор. Она велела мне не мешкать ни секунды и стучать, покуда не откроют.

— Да знаю я, знаю: вы уже говорили! — но почему она послала за мной, вот что меня интересует. Что там стряслось?

— Сам толком не знаю, сэра. Слыхал лишь, что хозяина нашли без чувств в спальне, с пробитой головой, на окровавленной постели. Привести его в сознание покамест не удалось. А нашла хозяина сама мисс Трелони.

— Но с чего вдруг она наведальась к нему в такой час? Ведь дело, надо полагать, произошло поздней ночью?

— Это мне неизвестно, сэра. Подробностей я не слышал.

Так как больше ничего грум рассказать не мог, я на минуту остановил карету, чтобы он вышел и влез на кóзлы, а потом, оставшись в одиночестве, принялся размышлять о происшедшем. Конечно, мне стоило бы расспросить слугу гораздо обстоятельнее, и некоторое время после его ухода я сетовал на себя за то, что не воспользовался такой возможностью. Однако, поразмыслив немного, я даже порадовался, что искушение миновало: все-таки приличнее будет узнать обо всем от самой мисс Трелони, а не от ее слуг.

Мы резво катили через Найтсбридж: колеса и рессоры нашего хорошо снаряженного экипажа мерно поскрипывали в утренней тиши, — потом свернули на Кенсингтон-Пэлас-роуд и вскоре остановились у большого особняка по левой стороне, который, насколько я мог судить, находился ближе к ноттингхиллскому концу улицы, нежели к кен-

сингтонскому. Здание выделялось не только своими размерами, но и величественной архитектурой. Даже в сером сумраке утра, зрительно уменьшавшем все предметы, оно выглядело огромным.

Мисс Трелони встретила меня в холле. Чуждая застенчивой робости, девушка и сейчас держалась с благородной властностью, тем более удивительной, если учесть, что она была чрезвычайно взволнована и смертельно бледна. В большом холле находилось с десяток слуг: мужчины стояли вместе у входа, женщины боязливо жались друг к другу в дальних углах и дверных проемах. С мисс Трелони разговаривал старший офицер полиции; рядом стояли двое мужчин в форме и один в штатском. При виде меня девушка просветлела лицом и со вздохом облегчения порывисто протянула мне руку.

— Я знала, что вы приедете! — просто сказала она вместо приветствия.

Рукопожатие порой говорит о многом, даже если человек не подразумевает при этом ничего особенного. Рука мисс Трелони словно бы утонула в моей — изящная мягкая рука с длинными тонкими пальцами, редкой красоты рука, и не сказать чтобы очень миниатюрная. Я истолковал это как бессознательное свидетельство полного подчинения моей воле — не сразу, правда, а чуть позже, когда совладал с охватившим меня восторженным трепетом.

Мисс Трелони повернулась к офицеру и произнесла:

— Это мистер Малкольм Росс.

— Я знаю мистера Малкольма Росса, мисс, — козырнув, ответил полисмен. — Возможно, он помнит, что я имел честь работать с ним над делом брикстонских фальшивомонетчиков.

Я не признал мужчину с первого взгляда, ибо все мое внимание было поглощено мисс Трелони.

— Как же, как же, прекрасно помню, старший офицер Долан! — воскликнул я, обмениваясь с ним рукопожатиями.

Я не мог не заметить, что факт нашего знакомства несколько успокоил мисс Трелони. Не ускользнуло от моего внимания и легкое замешательство девушки: я догадался, что ей было бы удобнее поговорить со мной с глазу на глаз, — а посему сказал офицеру:

— Возможно, нам с мисс Трелони стоит ненадолго уединиться. Несомненно, вам она уже рассказала все, что знает, а я гораздо лучше разберусь в положении дел, если смогу задать ей кое-какие вопросы. Потом же, если вы не против, мы с вами все обсудим.

— Буду рад услужить вам чем смогу, сэр, — сердечно ответил он.

Я прошел за мисс Трелони в изысканно убранную гостиную, смежную с холлом, окна которой выходили в сад за домом. Когда я затворил за собой дверь, девушка сказала:

— За то, что вы великодушно отклинулись на мой призыв о помощи, я поблагодарю вас позже, а теперь вам лучше узнать все обстоятельства произошедшего.

— Рассказывайте же! — отозвался я. — Рассказывайте все, что знаете, и не упускайте ни единой подробности, сколь бы несущественной она ни казалась сейчас.

— Итак, — не мешкая начала мисс Трелони, — меня разбудил какой-то шум: не знаю, какого рода, — просто вторгся в мой сон, и я тотчас проснулась и с бешено колотившимся сердцем стала прислушиваться к звукам, которые доносились из комнаты отца. Наши комнаты расположены рядом, и часто, отходя ко сну, я слышу его шаги. Он работает допоздна, иногда почти до рассвета, и, просыпаясь среди ночи или рано-рано утром, как нередко со мной случается, я слышу, что отец все еще бодрствует. Однажды я попыталась образумить его — мол, не спать ночами вредно для здоровья, — но больше на такое никогда не осмеливалась. Вы сами знаете, каким холодным и суровым он бывает, хотя бы из моих рассказов о нем; когда же в своей ледяной суровости отец еще и подчеркнуто вежлив, то становится поистине страшен. Его гнев пугает меня не в пример меньше, чем нарочитая размеренность речи, когда один угол рта у него вздергивается, обнажая острые зубы. Тогда я... даже не знаю, как толком описать свои ощущения, право слово! Сегодня ночью я тихо поднялась с постели и на цыпочках подкралась к двери соседней комнаты, страшась побеспокоить отца. Ни шагов, ни криков... только глухой шум волочения и чье-то медленное, тяжелое дыхание. Ах! Это было ужасно — стоять там в темноте и бояться... бояться неведомо чего!

Наконец я собралась с духом и, как можно тише повернув дверную ручку, слегка приоткрыла дверь. В крошечной тьме виднелись лишь очертания окон, но теперь тяжелое дыхание слышалось отчетливее и оттого было еще страшнее. С минуту я прислушивалась, но никаких иных звуков не различила. Тогда я резко распахнула дверь — открывать медленно боялась: а ну как за ней притаилось нечто ужасное, готовое наброситься на меня! Включив свет, я осторожно вошла в комнату и сразу же посмотрела на кровать. Одеяла откинуты и смяты — значит, отец все-таки ложился этой ночью, — но посреди простыни багровело кровавое пятно, смазанное к краю постели. Сердце мое едва не остановилось!.. Стоя в оцепенении, я опять услышала тяжелое дыхание и обратила взгляд через комнату, в ту сторону, откуда оно раздавалось. Там лежал на правом боку отец, неловко подвернув под себя руку, будто кто-то швырнул туда его безжизненное тело. Кровавый след тянулся к нему по полу от самой кровати, и подле отца натекла лужа крови, показавшаяся мне, когда я склонилась над ним, ярко-красной и необычайно блестящей. Он лежал в пижаме с оторванным левым рукавом перед большим сейфом, вытянув к нему оголенную руку. Она выглядела ужасно... ах, просто ужасно!.. вся в крови, с истерзанным, изрезанным запястьем, обвитым золотой цепью. Я и не знала, что отец носит браслет, и это тоже стало для меня своего рода потрясением.

Мисс Трелони на миг умолкла, и я, желая хоть ненадолго отвлечь ее мысли от страшного происшествия, сказал:

— О, здесь нет ничего удивительного. В наше время браслеты носят иные мужчины, от которых меньше всего этого ожидаешь. Однажды я видел золотую цепь на воздетой руке судьи, выносившего смертный приговор преступнику.

Похоже, девушка пропустила мои слова мимо ушей, но краткая пауза подействовала на нее успокоительно, и продолжала она уже более твердым голосом:

— Испугавшись, как бы отец не умер от потери крови, я не стала терять ни секунды: позвонила в колокольчик, а потом выскочила за дверь и во весь голос позвала на помощь. Должно быть, уже очень скоро — хотя мне это время показалось вечностью — снизу начали один за другим прибегать слуги, и вскоре комната заполнилась встревоженными людьми в ночных одеждах, с вытаращенными глазами и растрепанными волосами.

Мы перенесли отца на диван, и наша домоправительница миссис Грант, в отличие от всех нас сохранявшая самообладание, принялась выяснять, откуда у отца идет кровь. Почти сразу обнаружилось, что виной всему глубокая рваная рана возле запястья левой руки, явно нанесенная не ножом. По всей видимости, там была повреждена вена. Миссис Грант наложила на это место жгут из носового платка, затянула потуже с помощью серебряного ножичка для бумаг, и кровотечение

прекратилось. К этому времени я уже кое-как собралась с мыслями и послала одного слугу за доктором, а другого — за полицией. Когда они удалились, я вдруг поняла, что осталась в доме совсем одна, если не считать прислуги, и ничего толком не знаю... ни о своем отце, ни о чем-либо еще. Мне безумно захотелось, чтобы рядом оказался человек, способный поддержать и помочь. Тут я вспомнила о вас и о вашем любезном обещании, данном мне в лодке под ивой, и без всяких раздумий велела заложить экипаж, после чего набросала записку и отправила вам.

Мисс Трелони снова умолкла. Объясняться в своих чувствах сейчас было не время, а потому я просто смотрел на нее. Думаю, девушка все поняла без слов: встретившись со мной взглядом, зарделась, как пионовая роза, и тотчас же потупилась, — затем с видимым усилием продолжила:

— Доктор появился на удивление скоро. Он как раз отпирал дверь своего дома, когда грум нашел его, и не мешкая поспешил к нам. Должным образом наложив турникет на руку бедного отца, доктор отправился обратно домой за инструментами — и, полагаю, вот-вот вернется. Затем пришел полисмен и отослал сообщение в участок. Немного погодя прибыл старший офицер, а за ним следом и вы.

Наступило долгое молчание, и я осмелился слегка пожать руку девушки. Потом без лишних слов мы открыли дверь и вышли в холл. Старший офицер Долан быстро двинулся нам навстречу, говоря на ходу:

— Я самолично все тут осмотрел и уже отправил сообщение в Скотленд-Ярд. Видите ли, мистер Росс, в этом деле столько странностей, что я счел необходимым призвать на подмогу лучшего сыщика из департамента уголовных расследований. А потому попросил в записке срочно отрядить сюда сержанта Доу. Вы наверняка помните его, сэр, по хокстонскому делу американца-отравителя.

— Конечно же, я хорошо помню сержанта Доу, — ответил я. — И по тому делу, и по ряду других, ибо его профессиональная хватка и проницательность не раз играли мне на руку. Умение мыслить столь ясно, стройно и последовательно встречается крайне редко. Защищая в суде человека, чья невиновность не вызывала у меня сомнений, я всегда был рад, если именно сержант Доу выступал свидетелем со стороны обвинения!

— Это высокая похвала, сэр! — произнес старший офицер, явно польщенный. — Я рад, что вы одобрили мой выбор: стало быть, я поступил правильно, послав именно за сержантом Доу.

— Ничего лучшего и желать нельзя, — горячо заверил я. — Не сомневаюсь, что, стоит объединить усилия, мы быстро установим все факты и выясним, что за ними скрывается!

Мы поднялись в комнату мистера Трелони, где нашли все точно в таком виде, как описывала его дочь.

Внизу прозвонил дверной колокольчик, и минутой позже в комнату вошел молодой человек с орлиными чертами лица, острыми серыми глаза-